

На правах рукописи

Гюлбанкян Арам Артурович

**ЭКСЦЕСС ИСПОЛНИТЕЛЯ И ДРУГИХ СОУЧАСТНИКОВ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Краснодар – 2024

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: **Коняхин Владимир Павлович**,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Официальные оппоненты: **Ображиев Константин Викторович**
доктор юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)», профессор
кафедры уголовного права

Кашкаров Алексей Александрович
доктор юридических наук, доцент,
Крымский филиал ФГКОУ ВО «Краснодарский
университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации», начальник кафедры
уголовного права и криминологии

Ведущая организация федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»

Защита состоится «27» июня 2024 года в 13 часов 00 минут на заседании диссертационного совета 24.2.320.07 по юридическим наукам, созданного на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43, ауд. 11.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (<https://www.kubsu.ru/>).

Автореферат разослан «___» мая 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 24.2.320.07
кандидат юридических наук, доцент

Лукожев Хусен Манаевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования определяется, во-первых, потребностью в систематизации, ревизии и развитии теоретических представлений об эксцессе исполнителя и иных соучастников преступления, а, во-вторых, необходимостью уточнения правил уголовно-правовой оценки эксцессного поведения соучастников с целью их последующей нормативной регламентации.

В силу своей инертности и консервативности уголовное законодательство неизбежно отстает от доктринальных разработок. Юридическая доктрина, в свою очередь, не всегда успевает оперативно удовлетворить потребности правоприменительной практики, которая перманентно выявляет новые квалификационные проблемы, требующие своего решения.

По всей видимости, отмеченное асинхронное развитие законодательства, правовой доктрины и юридической теории можно считать неизбежным и до определенной степени нормальным. Однако в некоторых случаях разрыв между этими элементами права (в широком его понимании) становится чрезмерно большим, что резко снижает эффективность правового регулирования.

Именно такая ситуация возникла применительно к эксцессу соучастников преступления. Законодательная регламентация правил уголовно-правовой оценки эксцессного поведения соучастников преступления отстает от теории уголовного права на непозволительно большую дистанцию, которая измеряется столетиями. Отечественная уголовно-правовая наука сформулировала эти правила и определение эксцесса еще в XIX веке, впоследствии соответствующие идеи получили развитие в советской доктрине, однако на законодательном уровне положения об эксцессе были регламентированы только в 1996 г. в ст. 36 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), причем в усеченном виде – в отношении эксцесса исполнителя. Об эксцессе иных соучастников ст. 36 УК РФ не упоминает, хотя возможность эксцесса со стороны организатора, подстрекателя и пособника отмечается в научных трудах середины XX века.

К сожалению, нельзя признать достаточной и теоретическую разработку вопросов уголовно-правовой оценки эксцессного поведения соучастников. Многие из них (юридическая природа эксцесса, некоторые его признаки и проявления) до настоящего времени остаются вне поля зрения исследователей. Более того, доктрина пока не смогла предоставить практике четкие и непротиворечивые рекомендации по квалификации эксцессных деяний соучастников.

Не отличается единообразием и правоприменительная практика высших судов. Не имея прочной теоретической основы, она демонстрирует порой диаметрально противоположные подходы к квалификации «отклоняющегося» поведения соучастников, что дополнительно дезориентирует рядовых субъектов правоприменительной деятельности.

На этом фоне диссертационное исследование, нацеленное на разрешение теоретических и прикладных проблем, связанных с уголовно-правовой оценкой эксцесса исполнителя и иных соучастников преступления, представляет повышенную актуальность.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования не в полной мере соответствует запросам правоприменительной практики, которая остро нуждается в непротиворечивых доктринальных рекомендациях по квалификации различных эксцессных деяний соучастников.

Проблематика эксцессного поведения затрагивается чуть ли не в каждой публикации, посвященной ответственности соучастников преступления. Однако при этом в большинстве работ с незначительными изменениями воспроизводятся идеи и рекомендации, разработанные в середине прошлого века

в известных работах Ф.Г. Бурчака, П.И. Гришаева, Г.А. Кригера, М.И. Ковалева, П.Ф. Тельнова.

Поддерживая бережное отношение к творческому наследию представителей отечественной уголовно-правовой доктрины и признавая их несомненные заслуги в части разработки учения об эксцессе соучастника преступления, следует вместе с тем признать, что многие теоретические постулаты этого учения требуют ревизии, уточнения и дальнейшего развития с учетом современной трактовки соучастия в преступлении и актуальных правоприменительных проблем.

Определенные усилия в этом направлении предприняты в кандидатских диссертациях Н.В. Толстопятовой (Эксцесс соучастников в уголовном праве. – Ростов-на-Дону, 2004), А.Ю. Корчагиной (Эксцесс исполнителя преступления. – М., 2005); Л.В. Ивановой (Уголовно-правовая характеристика эксцесса исполнителя преступления. – Тюмень, 2009), в научных публикациях Г.А. Есакова, О.С. Капинус, К.В. Ображиева, Ю.Е. Пудовочкина, А.В. Шеслера, П.С. Яни и др. исследователей. Однако эти относительно немногочисленные работы охватывают далеко не весь спектр теоретико-прикладных проблем, требующих научного решения, а рекомендации, содержащиеся в соответствующих трудах, по многим позициям демонстрируют существенное расхождение.

В этих условиях предпринятое нами уголовно-правовое исследование эксцессного поведения соучастников преступления представляется актуальным и востребованным.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является разрешение теоретических и прикладных проблем, связанных с уголовно-правовой оценкой эксцесса исполнителя и иных соучастников преступления.

Обозначенная цель предопределила постановку следующих исследовательских задач:

- определить теоретико-правовые основы законодательной регламентации и уголовно-правовой оценки эксцесса исполнителя и иных соучастников преступления;
- установить юридическую природу эксцесса соучастника преступления;
- уточнить границы единого умысла соучастников преступления с тем, чтобы понять, какое поведение можно считать выходящими за его пределы при эксцессе;
- рассмотреть эксцесс соучастника преступления сквозь призму его объективных и субъективных проявлений;
- изучить отличительные особенности количественного (однородного) и качественного (неоднородного) эксцесса соучастника преступления;
- определить круг соучастников, способных к эксцессу, уделив особое внимание анализу эксцессного поведения организатора, подстрекателя и пособника преступления;
- разрешить квалификационные проблемы, связанные с оценкой так называемого «эксцесса в меньшую сторону»;
- уточнить правила квалификации эксцессного перерастания одного преступления в другое.

Объектом диссертационного исследования выступили правоотношения, возникающие в связи с уголовно-правовой оценкой эксцесса исполнителя и иных соучастников преступления.

Предметом диссертационного исследования стали: эксцесс соучастника преступления, его уголовно-правовая природа и основные проявления; теоретико-правовые основы законодательной регламентации и уголовно-

правовой оценки эксцесса; проблемы квалификации эксцессного поведения соучастников.

Нормативную базу диссертационного исследования составили Конституция Российской Федерации, решения Конституционного Суда Российской Федерации, действующее уголовное законодательство.

Применение историко-правовой методологии потребовало изучения отечественного уголовного законодательства дореволюционного и советского периодов.

Диссертационное исследование основано на обширной **эмпирической базе**, которую составили:

– данные, полученные на основании изучения практики Верховных Судов СССР, РСФСР, Российской Федерации, относящейся к теме исследования, за период с 1961 по 2023 гг.;

– результаты проведенного в 2021–2023 гг. обобщения судебной практики (свыше 400 судебных решений, в которых рассматривался вопрос о квалификации эксцессного поведения соучастника преступления);

– данные проведенного в 2023 г. опроса 247 экспертов (38 судей и их помощников, 80 прокурорских работников, 27 следователей Следственного комитета Российской Федерации, 69 следователей и 33 дознавателя органов внутренних дел Российской Федерации), осуществляющих правоприменительную деятельность в 77 субъектах Российской Федерации;

– выводы эмпирических исследований, проведенных другими авторами.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили основные положения и разработки отечественной уголовно-правовой доктрины, а также относящиеся к объекту исследования научные труды в области истории государства и права, теории, философии и методологии права, криминологии, конституционного, уголовно-процессуального права, социологии, психологии.

Методологическую основу диссертации образуют: универсальные принципы и требования диалектики, реализация которых обеспечила объективность и всесторонность рассмотрения объекта и предмета исследования, системность подхода к познанию эксцесса исполнителя и иных соучастников преступления, их изучение в системе взаимосвязей с другими явлениями; общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, классификация, описание, моделирование) и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой, социологический) методы исследования.

Научная новизна диссертации заключается в уточнении и развитии уголовно-правового учения об эксцессе исполнителя и иных соучастников преступления.

В работе: определены теоретические и нормативные конструкты, выступающие в качестве основы для уголовно-правовой оценки эксцесса исполнителя и иных соучастников преступления; выявлена юридическая природа эксцесса соучастника преступления; разработаны критерии единства умысла соучастников преступления и эксцессного выхода за его пределы; систематизированы основные проявления эксцесса соучастника преступления, представлена их уточненная уголовно-правовая характеристика; введены в научный оборот понятия «объективный эксцесс» и «субъективный эксцесс» соучастника; сформулированы теоретические рекомендации по квалификации эксцессных деяний разных видов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Обосновано, что зафиксированные в ст. 36 УК РФ предписания об эксцессе исполнителя имеют прочный теоретико-правовой фундамент:

– их *концептуальной основой* выступает теория самостоятельной ответственности соучастников, которая лимитирует аксессуарную квалификационную зависимость иных соучастников от исполнителя преступления, в том числе посредством обоснования и установления самостоятельной ответственности за эксцессное деяние;

– на уровне *принципов уголовного права* отправной точкой для положений об эксцессе исполнителя выступает принцип вины, исключающий ответственность за деяние, которое не охватывается умыслом соучастников;

– в рамках *института соучастия* предписания об эксцессе исполнителя заданы признаком совместности и требованием о двусторонней субъективной связи между соучастниками.

Причем на этих доктринальных и нормативных построениях базируются не только предписания об эксцессе исполнителя преступления, но и правила уголовно-правовой оценки эксцесса иных соучастников. Сама постановка вопроса об эксцессе соучастников, не выполнявших объективную сторону преступления, возможна лишь в рамках концепции самостоятельной уголовной ответственности соучастников и при соблюдении стандартов субъективного вменения.

2. Установлена юридическая природа эксцесса соучастника преступления. Эксцесс соучастника – это уголовно-правовой феномен, который имеет сложную, двойственную природу, что особенно ярко проявляется в эксцессе исполнителя преступления. С одной стороны, деяние исполнителя, допустившего эксцесс, хотя бы частично остается в границах соучастия, ведь «автор» эксцесса и иные соучастники связаны объективными и субъективными «нитями» – единством умысла, общей целью, совместными усилиями для ее достижения. С другой стороны, эксцессное деяние исполнителя частично (в большей или меньшей мере) выходит за пределы соучастия, пересекает границы, лимитированные умыслом соучастников, что порождает различия в уголовно-правовой оценке соучастников.

Получается, что преступное поведение исполнителя преступления, допустившего эксцесс, включает в себя два структурных элемента: а) деяние, совершенное в соучастии, посредством которого исполнитель реализует (частично реализует) единый умысел соучастников; б) эксцессное деяние, выходящее за пределы единого умысла соучастников и, как следствие, за границы соучастия в преступлении. Таким образом, диалектика эксцесса исполнителя состоит в том, что он берет свое начало в соучастии (генетическая связь), но выходит за его рамки.

Отмеченный дуализм позволяет четко отграничить эксцесс исполнителя от смежных уголовно-правовых феноменов: от замены планируемого совместно с иными лицами преступления другим разнородным преступным деянием; от посредственного исполнения преступления с использованием лица, введенного в заблуждение; от эксцесса «негодного» субъекта при опосредованном исполнении преступления; от инициативных действий участника группового приготовления к преступлению, которые не охватывались умыслом иных участников.

3. Предложено определять единство умысла соучастников преступления и выход за его рамки (эксцесс) с учетом содержания их сговора (соглашения). Единый умысел соучастников – это «зона пересечения» их личных умыслов, которая возникает на основании соглашения соучастников. Двусторонняя субъективная связь между соучастниками возникает только в этой «зоне» применительно к общему для всех преступлению, согласованному всеми лицами. Поэтому сам по себе тот факт, что соучастник (например, подстрекатель или пособник) допускал возможность совершения исполнителем дополнительного или более тяжкого преступления – при том, что соглашения на это

между соучастниками не было, – не позволяет считать, что дополнительное или более тяжкое преступление охватывалось единым умыслом соучастников.

Следовательно, деяние исполнителя можно расценивать как охватываемое умыслом других соисполнителей или иных соучастников, если оно «укладывается» в рамки соглашения соучастников о совместном совершении преступления. Если же деяние исполнителя вышло за пределы состоявшегося сговора, то его следует рассматривать как эксцесс даже в тех случаях, если соучастники сознательно допускали возможность отклоняющегося поведения исполнителя.

4. Разработана классификация эксцесса соучастника преступления с учетом формы его проявления, введены в научный оборот понятия «объективный эксцесс» и «субъективный эксцесс», уточнены правила квалификации субъективного эксцесса исполнителя и иных соучастников преступления. В зависимости от формы проявления эксцесса соучастника преступления предложено выделять: а) эксцесс в части объективных признаков преступления (*объективный эксцесс*), который имеет внешние, видимые проявления; б) эксцесс соучастника в части мотива и (или) цели совершения преступления (*субъективный эксцесс*).

В правоприменительной практике прослеживается отказ от некоторых акцессорных правил квалификации соучастия с одновременным усилением личных (самостоятельных) начал ответственности соучастников преступления, что выражается, в частности, в пересмотре подхода к уголовно-правовой оценке субъективного эксцесса, допущенного организатором, подстрекателем, пособником. Новые правила оценки субъективного эксцесса организатора, подстрекателя, пособника, основанные на концепции самостоятельной ответственности соучастников, позволяют вменять указанным соучастникам их личные мотивы и цели, которые не охватывались умыслом исполнителя. Такой подход заслуживает полной поддержки, поскольку он позволяет реализовать требования субъективного вменения при квалификации действий всех соучастников преступления, не ограничивая область его применения исключительно исполнением преступления.

5. Уточнены критерии разграничения и признаки количественного (однородного) и качественного (неоднородного) эксцесса соучастника преступления:

– предложено устанавливать вид эксцесса с учетом сопоставления объектов эксцессного деяния и деяния, совершенного в соучастии (причем не только основных, но и дополнительных), а также их сущности;

– доказано, что количественный (однородный) эксцесс соучастника нельзя ограничивать лишь теми «отклонениями» от единого умысла соучастников, которые изменяют квалификацию содеянного. Такой эксцесс может влиять не только на квалификацию действий соучастников, но и на объем обвинения (например, не влияющий на квалификацию эксцесс в части размера хищения), а также на индивидуализацию уголовной ответственности наказания (эксцесс в части обстоятельств, отягчающих наказание);

– обосновано, что качественный (неоднородный) эксцесс соучастника имеет только одно проявление – совершение дополнительного неоднородного преступления, выходящего за пределы единого умысла соучастников. Совершение другого разнородного преступления вместо преступного деяния, на которое был направлен умысел соучастников, нельзя считать эксцессом, ведь в этом случае соучастие в преступлении не возникает, что исключает эксцесс;

– установлено, что количественный и качественный эксцессы соучастника различаются по характеру и интенсивности связи между эксцессным деянием и деянием, совершенным в соучастии. Отмеченное отличие напрямую отражается на уголовно-правовой оценке эксцесса. При количественном эксцессе организаторские, подстрекательские, пособнические действия сохраняют «ста-

дийную» акцессорную зависимость от действий исполнителя, тогда как при квалификации качественного эксцесса такая зависимость не прослеживается.

6. Систематизированы основные проявления эксцесса, допущенного организатором, подстрекателем, пособником преступления, выявлены их особенности:

– эксцесс организатора, подстрекателя и пособника проявляется не только в субъективной плоскости (в мотиве и цели их действий, которые не охватываются умыслом иных соучастников), но и в сфере объективных признаков совместно совершаемого преступления;

– эксцесс организатора, подстрекателя, пособника может иметь как количественный (однородный), так и качественный (неоднородный) характер;

– количественный эксцесс иных соучастников преступления чаще всего проявляется в субъективной плоскости (в части мотива или цели, отягчающих ответственность, о которых не было известно исполнителю). Объективный количественный эксцесс встречается лишь в единичных случаях;

– качественный эксцесс иных соучастников преступления имеет только объективные проявления – он выражается в совершении организатором, подстрекателем, пособником дополнительного преступления, посягающего на иной объект уголовно-правовой охраны. При этом в отличие от количественного эксцесса, качественный эксцесс иного соучастника может иметь не только умышленный, но и неосторожный характер.

7. Сформулированы теоретические рекомендации по квалификации «эксцесса в меньшую сторону». В ситуации, когда исполнителем совершено менее тяжкое преступление, чем изначально планировалось соучастниками, эксцесс исполнителя отсутствует. Если исполнитель реализует общую цель соучастников менее опасным способом, чем заранее оговаривалось, то менее опасное деяние, фактически совершенное исполнителем, остается в границах единого умысла, не выходит за его рамки, что исключает эксцесс. Следовательно, в рассматриваемой ситуации действия иных соучастников нужно квалифицировать как соучастие в том менее тяжком преступлении, которое фактически совершено исполнителем.

«Эксцесс в меньшую сторону» возникает лишь в редких случаях вследствие несогласованности квалифицирующих признаков и санкций ст. 158 и 161 УК РФ. Если устранить эти законодательные просчеты, «эксцесс в меньшую сторону» станет невозможным.

8. Уточнены правила уголовно-правовой оценки эксцессного перерастания одного преступления в другое:

– эксцессные преступные деяния соисполнителя, не охватываемые умыслом других соучастников, следует квалифицировать как единолично совершенные, что исключает вменение «групповых» квалифицирующих признаков при одиночном эксцессном перерастании одного преступления в другое;

– если сговор на совершение более тяжкого однородного преступления достигнут в процессе совершения менее тяжкого преступного деяния, но до момента перерастания, соисполнителям, допустившим эксцесс, необходимо вменять квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору»;

– действия соисполнителя, оставшегося в рамках предварительной договоренности на совершение менее тяжкого преступления, следует квалифицировать как совершенные группой лиц по предварительному сговору;

– при перерастании кражи в грабеж или разбой в результате эксцесса одного из соисполнителей квалификация действий другого соисполнителя зависит от его последующего поведения. Если он не вышел за рамки предварительной договоренности на совершение кражи, прекратив посягательство после того, как хищение стало открытым, то его действия квалифицируются как покушение

на групповую кражу (ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Если же он присоединился к эксцессу, то ст. 36 УК РФ не применяется, поскольку соучастие в краже, основанное на предварительном сговоре, перерастает в соучастие в грабеже или разбое в форме группы лиц без предварительного сговора;

– новое соучастие в более тяжком преступлении, ставшем результатом эксцессного перерастания, возникает лишь при условии, что присоединение к эксцессу было осознанным. Если соисполнитель не осознавал факт перерастания одной формы хищения в другую, то вменять ему более опасную форму хищения нельзя, даже если он воспользовался результатами эксцесса;

– в сложном соучастии с распределением ролей присоединение иного соучастника к эксцессу исполнителя может сопровождаться изменением его изначальной функциональной роли (например, подстрекатель к менее тяжкому преступлению может стать пособником в более тяжком преступном деянии, пособник трансформироваться в соисполнителя). В этом случае квалификация действий соучастника осуществляется с учетом той криминальной функции, которая выполнялась им в более тяжком преступлении.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его результаты существенно развивают и углубляют научные представления об эксцессе исполнителя и иных соучастников преступления, вносят вклад в развитие уголовно-правового учения о соучастии в преступлении, обогащают теорию квалификации преступлений. Диссертация содержит решение теоретических и прикладных проблем, связанных с уголовно-правовой оценкой эксцесса исполнителя и иных соучастников преступления. Положения и выводы исследования могут выступать в качестве теоретической базы для совершенствования уголовного законодательства, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правоприменительной практики.

Практическое значение диссертационного исследования выражается в том, что содержащиеся в нем рекомендации и выводы создают прочную основу для разрешения сложных правоприменительных проблем, возникающих при уголовно-правовой оценке эксцесса соучастников преступления. Результаты исследования могут быть использованы: для совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации; в праворазъяснительной деятельности Верховного Суда Российской Федерации; для квалификации эксцессных деяний; в учебном процессе высших учебных заведений в рамках изучения дисциплин «Уголовное право» и «Квалификация преступлений».

Практическая значимость диссертационного исследования подтверждается **апробацией его результатов** посредством:

– их публикации в 7 научных работах (из них 5 – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России);

– обсуждения основных положений и выводов диссертации на 4 научно-практических форумах: Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «30 лет юридической науки КубГАУ» (Краснодар, 10 декабря 2021 г.); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Уголовный закон: алгоритм и стратегия развития (к 100-летию УК РСФСР 1922 г. и 50-летию кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета)» (Краснодар, 17 марта 2022 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Цифровизация рыночных отношений: вопросы экономики и права» (г. Москва, 20 июня 2022 г.); Международной научно-практической конференции «Институциональные основы уголовного права РФ (к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина)» (г. Краснодар, 1-2 февраля 2024 г.);

– их внедрения в учебный процесс юридического факультета Кубанского государственного университета и Краснодарского университета МВД России.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечена: применением многократно апробированных методов научного познания, которые избраны с учетом предмета, целей и задач диссертации; соблюдением принципов всесторонности и объективности исследования, а также методологических требований теории уголовного права; репрезентативной эмпирической базой, на которой основывалось исследование; возможностью верификации положений и выводов диссертации, которые основаны на проверяемых данных и согласуются с иными опубликованными работами по теме диссертации.

Структура диссертации предопределена специфическими особенностями предмета исследования, его целью и задачами. Работа включает введение, три главы, которые состоят из восьми параграфов, заключение, библиографический список и приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его цели и задачи, характеризуются эмпирическая, нормативная и теоретическая основы диссертации, излагаются положения, выносимые на защиту, определяется их теоретическая и практическая значимость.

Глава 1 **«Теоретико-правовые аспекты исследования эксцесса соучастника преступления»** состоит из трех параграфов.

В параграфе 1.1. **«Теоретические и правовые основы законодательной регламентации и уголовно-правовой оценки эксцесса исполнителя»** отмечается, что объем понятия «эксцесс исполнителя» и правила уголовно-правовой оценки эксцессного деяния напрямую зависят от того, каким образом понимается феномен соучастия в преступлении и на какой концептуальной платформе базируются законодательные и правоприменительные подходы к основаниям и пределам ответственности соучастников.

Соискатель подчеркивает, что акцессорные элементы реализованной в действующем УК РФ концепции соучастия выражаются, прежде всего, в признании единого основания уголовной ответственности всех соучастников. В качестве такового выступает совершение общего, единого для всех соучастников преступления. Поскольку объективная сторона этого совместно совершаемого преступления выполнена исполнителем (соисполнителями), ответственность иных соучастников закономерно увязывается с ответственностью исполнителя (разумеется, лишь в части квалификации, но не в части назначения наказания). Однако выход исполнителя за рамки соглашения с иными соучастниками посредством совершения деяния, которое не охватывается их умыслом, разрушает единство основания уголовной ответственности соучастников. Эксцессное деяние нельзя считать общим, «своим» для всех соучастников, оно утрачивает свойство совместности, приобретая ярко выраженный личный, индивидуальный характер. Эксцесс, допущенный исполнителем, становится для иных соучастников «чужим» преступлением, что разрывает акцессорную квалификационную связь. Здесь вступают в действие правила самостоятельной ответственности соучастников, которые исключают вменение эксцессного деяния иным соучастникам преступления. Поэтому предписания ст. 36 УК РФ обоснованно рассматриваются в качестве важнейшего элемента теории самостоятельной ответственности соучастников (что не исключает отдельных проявлений акцессорности при квалификации соответствующих деяний).

Нормативные правила об эксцессе исполнителя неразрывно связаны с принципом вины, зафиксированным в ст. 5 УК РФ. Долгое время именно принцип субъективного вменения выступал основанием для квалификации

эксцессного поведения соучастников преступления. В УК РСФСР 1960 г. и предыдущих кодифицированных законах советского государства отсутствовала норма об эксцессе, подобная той, что содержится в ст. 36 УК РФ. Тем не менее, в доктрине и практике существовал устойчивый консенсус по поводу того, что эксцессное деяние исполнителя не может вменяться иным соучастникам, поскольку это противоречит принципу виновной ответственности.

Правила уголовно-правовой оценки эксцесса исполнителя предопределены нормативной конструкцией соучастия в преступлении. Соучастие рассматривается доктриной, законодателем и практикой как особая разновидность целенаправленного социального взаимодействия, выражающаяся в совместном совершении преступления. В результате такой криминальной «кооперации» несколько лиц умышленными совместными усилиями совершают единое, общее для всех преступление. При этом действия каждого соучастника объективно (за счет вклада каждого в совершение совместного преступления) и субъективно (посредством единого умысла) связаны друг с другом и с наступившим преступным результатом, что служит показателем совместности – ключевого признака соучастия в преступлении.

Эксцесс исполнителя разрушает совместность деяний соучастников. Однако надо учитывать, что совместность как признак соучастия утрачивается при эксцессе не полностью. Она сохраняется в пределах того преступления, которое охватывается единым умыслом соучастников, но эксцессное деяние уже нельзя считать совершенным совместно.

Допустив эксцесс, исполнитель «разрывает» субъективную связь с иными соучастниками (опять же лишь в части эксцессного деяния, при сохранении этой связи в отношении первоначально задуманного преступления). Что же касается объективной связи, то при эксцессе (по крайней мере, при количественном) она может сохраняться. Например, при сговоре на убийство одного человека исполнитель убивает двух потерпевших, используя огнестрельное оружие, предоставленное пособником. Объективно действия пособника, выразившиеся в предоставлении оружия, способствовали совершению убийства обоих потерпевших, что позволяет говорить об объективной совместности действий соучастников. Что же касается качественного эксцесса, то он, как правило, обрывает не только субъективную, но и объективную связь.

Таким образом, зафиксированные в ст. 36 УК РФ предписания об эксцессе исполнителя имеют прочный теоретико-правовой фундамент: их *концептуальной основой* выступает теория самостоятельной ответственности соучастников, которая лимитирует акцессорную квалификационную зависимость иных соучастников от исполнителя преступления, в том числе посредством обоснования и установления самостоятельной ответственности за эксцессное деяние; на уровне *принципов уголовного права* отправной точкой для положений об эксцессе исполнителя выступает принцип вины, исключая ответственность за деяние, которое не охватывается умыслом соучастников; в рамках *института соучастия* предписания об эксцессе исполнителя заданы признаком совместности и требованием о двусторонней субъективной связи между соучастниками.

Причем на этих доктринальных и нормативных построениях базируются не только предписания об эксцессе исполнителя преступления, но и правила уголовно-правовой оценки эксцесса иных соучастников. Сама постановка вопроса об эксцессе соучастников, не выполнявших объективную сторону преступления, возможна лишь в рамках концепции самостоятельной уголовной ответственности соучастников. Эксцесс иных соучастников приобретает уголовно-правовое значение только в том случае, если в институте соучастия в преступлении отражены элементы теории индивидуальной ответственности, а вменение ответственности подчиняется принципу вины.

В параграфе 1.2. «Юридическая природа эксцесса соучастника преступления» отмечается, что за рамками теоретических дискуссий об эксцессе исполнителя и иных соучастников преступления незаслуженно остается вопрос о соотношении эксцесса с уголовно-правовым феноменом соучастия в преступлении как такового.

В результате проведенного исследования соискатель приходит к выводу о том, что эксцесс соучастника – это уголовно-правовой феномен, который имеет сложную, двойственную природу. Этот дуализм особенно ярко проявляется в эксцессе исполнителя преступления.

С одной стороны, деяние исполнителя, допустившего эксцесс, хотя бы частично остается в границах соучастия, ведь «автор» эксцесса и иные соучастники связаны объективными и субъективными «нитями» – единством умысла, общей целью, совместными усилиями для ее достижения. Иными словами, исполнитель, допустивший эксцесс, хоть что-то из совместно задуманного все-таки должен совершить (например, похитить чужое имущество, пусть даже иным способом). С другой стороны, эксцессное деяние исполнителя частично (в большей или меньшей мере) выходит за пределы соучастия, пересекает границы, лимитированные умыслом соучастников, что, собственно говоря, и порождает различия в уголовно-правовой оценке сообщников.

Получается, что преступное поведение исполнителя преступления, допустившего эксцесс, включает в себя два структурных элемента: 1) деяние, совершенное в соучастии, посредством которого исполнитель реализует (частично реализует) единый умысел соучастников; 2) эксцессное деяние, выходящее за пределы единого умысла соучастников и, как следствие, за границы соучастия. Таким образом, диалектика эксцесса состоит в том, что он берет свое начало в соучастии (генетическая связь), но выходит за его рамки.

Постулат о том, что фундаментом эксцесса является соучастие в преступлении, подтверждается предписаниями ст. 36 УК РФ. Эксцесс исполнителя определяется в ст. 36 УК РФ как «совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом *других соучастников*». При этом подчеркивается, что «за эксцесс исполнителя *другие соучастники* преступления уголовной ответственности не подлежат». Уголовный закон не случайно говорит о соучастниках преступления, ведь в определенной части (первый структурный элемент) деяние исполнителя признается совершенным в соучастии с другими лицами. Что же касается эксцессного деяния (второй структурный элемент), то в случае единоличного эксцесса исполнителя оно не может рассматриваться как совершенное в соучастии, а при групповом эксцессе (эксцессе соисполнителей) это деяние образует новое соучастие, которое не охватывается рамками первоначального соучастия.

Отмеченный дуализм эксцесса исполнителя позволяет отграничивать эксцесс от смежных уголовно-правовых феноменов, в частности:

– от замены планируемого совместно с иными лицами преступления другим разнородным преступным деянием (в уголовно-правовой доктрине эту ситуацию принято рассматривать в качестве разновидности качественного эксцесса исполнителя). Совершая другое преступление вместо согласованного с иными лицами, исполнитель этого другого преступления фактически отказывается от доведения первоначально запланированного преступления до конца, что в соответствии с акцессорными правилами квалификации исключает соучастие в преступлении как таковое (нет исполнителя – нет и соучастия). В рассматриваемой ситуации действия иных лиц, вступивших в сговор на совершение изначально запланированного преступления, образуют приготовление к соответствующему преступлению. А поскольку признаки соучастия в преступлении здесь отсутствуют, то и эксцесса исполнителя быть не может;

– от совершения преступления посредством использования лица, введенного в заблуждение и не подлежащего по этой причине уголовной ответственности. В этой ситуации невиновно действующее лицо, выполняя объективную сторону преступления, не осознает преступное поведение посредственного исполнителя. Но это не дает оснований для того, чтобы признать его действия эксцессными. Здесь нет соучастия в преступлении, что исключает эксцесс;

– от эксцесса «негодного» субъекта при опосредованном исполнении преступления. В последнем случае «негодный» субъект, т.е. лицо, не подлежащее уголовной ответственности в силу невменяемости, возраста, иных обстоятельств (например, вследствие введения в заблуждение), причиняет больший вред, чем планировал посредственный исполнитель (например, исполнитель склонил 13-летнего подростка к краже, а он совершил разбой; подстрекал душевнобольного побить потерпевшего, а он причинил ему смерть). Опосредованное причинение вреда не образует соучастия, а «негодный» субъект, руками которого совершено преступление, не подлежит уголовной ответственности и не может считаться соучастником преступления. Поэтому эксцесс, допущенный «негодным субъектом», нельзя приравнивать к эксцессу исполнителя, равно как не вполне корректно распространять на эту ситуацию правила квалификации, изложенные в ст. 36 УК РФ;

– от инициативных действий участника группового приготовления к преступлению, которые не охватывались умыслом иных участников. На стадии приготовления к преступлению соучастие не создается, что исключает эксцесс исполнителя.

Таким образом, положение о дуалистической природе эксцесса имеет не только теоретическое, но и прикладное значение.

В параграфе 1.3. «**Единый умысел соучастников преступления и выход за его пределы при эксцессе**» отмечается, что четкие и понятные критерии, позволяющие определить «охват», т.е. пределы умысла соучастников для целей ст. 36 УК РФ, ни в теории уголовного права, ни в правоприменительной практике не выработаны. «Зона согласия» здесь довольно узкая – все специалисты солидарны в том, что ст. 36 УК РФ подлежит применению при выходе за пределы конкретизированного умысла соучастников.

На конкретных судебных решениях диссертант показывает различие в подходах к трактовке единства умысла соучастников преступления. В одних случаях суды констатируют, что деяние исполнителя (соисполнителей) не охватывалось умыслом соучастника, так как он не был осведомлен о таких преступных действиях, не знал о намерении исполнителя совершить более тяжкое преступление. Такая трактовка единства умысла закономерно расширяет возможности для применения ст. 36 УК РФ.

В других случаях суды понимают пределы единого умысла соучастников более широко, полагая, что если соучастник допускал возможность совершения исполнителем более тяжкого преступления, предполагал подобное развитие событий, то такое преступление охватывается его умыслом. Подобное понимание «охвата умысла» соучастников резко ограничивает сферу применения ст. 36 УК РФ, позволяя констатировать эксцесс исполнителя лишь в крайне редких случаях, когда соучастник не только не имел договоренности на совершение исполнителем более тяжкого или дополнительного преступления, но и даже не допускал возможности его совершения.

Соискатель подчеркивает, что соучастники совершают одно общее, единое для всех них преступление (это соответствует трактовке соучастия как специфической формы социального взаимодействия). Общность преступления для всех соучастников определяется как объективными критериями (через вклад каждого из них в его совершение), так и субъективным отношением соучастни-

ков к этому совместно совершаемому преступному деянию как к «своему». При этом преступление воспринимается соучастниками как «свое» в результате соглашения (сговора) о его совместном совершении и в рамках этого соглашения. Деяние, выходящее за эти рамки, становится для соучастника субъективно «чужим», даже если соучастник допускал возможность его совершения.

Диссертант соглашается с доктринальной позицией о том, что в качестве обязательной характеристики соучастия выступает соглашение между соучастниками (М.А. Шнейдер, М.В. Рассказова, Н.А. Бабий и др.). При таком подходе выход за пределы единого умысла соучастников, т.е. эксцесс, может быть констатирован на основании содержания их сговора.

Судя по всему, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в целом разделяет такой подход. Так, например, из абз. 2 п. 14.1 постановления Пленума от 27.12.2002 № 29 следует, что при наличии предварительного сговора сфера охвата умысла соучастников ограничена пределами состоявшейся договоренности. Пленум четко указывает, что если при предварительном сговоре на кражу соисполнитель не присоединился к эксцессу, допущенному другим соисполнителем, то он не может нести ответственность за грабеж или разбой. Не может потому, что он сговорился именно на совершение кражи и не вышел вслед за другим соисполнителем за пределы этой договоренности. Допускал ли он при этом возможность совершения другим соисполнителем более тяжкого преступления (грабежа или разбоя) либо не допускал такой возможности – это обстоятельство, с точки зрения Пленума, на квалификацию его действий не влияет. Тем более не влияет это обстоятельство на уголовно-правовую оценку действий организатора, подстрекателя, пособника. Аналогичный подход прослеживается и в судебной практике по конкретным делам, что демонстрируется конкретными примерами.

С точки зрения диссертанта, такой подход вполне оправдан. Совместно совершаемое преступление может по-разному отражаться в психике соучастников, что порождает закономерные отличия в объеме умысла (один соучастник допускает трансформацию способа совершения преступления, второй – не допускает; один предвидит возможность наступления последствий, второй – не предвидит). При этом единство умысла соучастников можно констатировать лишь там, где происходит совпадение интеллектуально-волевых процессов (намерений, осознания, предвидения, желаний) взаимодействующих субъектов. Причем подобное объединение интеллектуальных и волевых усилий соучастников возможно лишь посредством их согласования, путем сговора до совершения преступления или в процессе его исполнения. И если личные субъективные представления соучастника о совместно совершаемом преступлении расходятся с содержанием сговора, то они остаются за рамками единого умысла.

Проще говоря, единый умысел соучастников – это «зона пересечения» их личных умыслов, которая возникает на основании соглашения соучастников. Двусторонняя субъективная связь между соучастниками возникает только в этой «зоне» применительно к общему для всех преступному деянию, согласованному всеми лицами. Поэтому сам по себе тот факт, что соучастник допускал возможность совершения исполнителем дополнительного или более тяжкого преступления – при том, что соглашения на это между соучастниками не было, – не позволяет считать, что это преступление охватывалось единым умыслом соучастников. Различного рода допущения о возможности совершения исполнителем (иным соучастником) преступления, выходящего ее рамки достигнутого соглашения, недостаточны для того, чтобы признать это преступление совместным в субъективном смысле. При отсутствии сговора одно лишь предположение о возможности совершения этого преступления не позволяет говорить о двусторонней субъективной связи и субъективной совместности действий соучастников.

Таким образом, в содержательном плане единство умысла соучастников на совершение совместного преступления лимитируется пределами их соглашения (сговора). Следовательно, деяние исполнителя можно расценивать как охватывающееся умыслом других соисполнителей или иных соучастников, если оно «укладывается» в рамки соглашения соучастников о совместном совершении преступления. Если же исполнитель вышел за пределы состоявшегося сговора, необходимо признать, что такое деяние не охватывается единым умыслом соучастников. Сказанное относится не только соучастию, сформировавшемуся на основе предварительного сговора, но и к ситуациям, когда сговор достигнут в процессе исполнения объективной стороны преступления (например, в случае присоединения соучастников).

При этом выход исполнителя за рамки соглашения с иными соучастниками следует рассматривать как эксцесс даже в тех случаях, если соучастники сознательно допускали возможность совершения исполнителем дополнительного или более тяжкого преступления.

Изложенный подход к трактовке единого умысла соучастников требует корректировки правоприменительной практики применения ст. 36 УК РФ. Необходимо отказаться от широкого толкования сферы охвата умысла соучастников, основанного на концепции допущения возможности совершения более тяжкого или дополнительного преступления, что позволит реализовать требования субъективного вменения и согласовать толкование ст. 36 УК РФ с теоретическими постулатами учения о соучастии в преступлении.

Глава 2 «**Основные проявления эксцесса соучастника преступления**» состоит из трех параграфов.

В параграфе 2.1. «**Объективный и субъективный эксцесс соучастника преступления**» отмечается, что в подавляющем большинстве случаев представители уголовно-правовой доктрины рассматривают эксцесс исключительно в объективной плоскости, полагая, что таковой всегда выражается в совершении конкретных действий (акта бездействия), которые не охватываются умыслом иных соучастников. Однако такой подход безосновательно сужает спектр возможных проявлений эксцесса соучастника преступления, ведь, как показывает практика, расхождение в объеме умысла соучастников может наблюдаться не только в части объективных характеристик совместно совершенного преступления, но и в части его субъективных параметров.

В зависимости от формы проявления эксцесса в диссертации предложено выделять:

а) эксцесс соучастника в части объективных признаков преступления (объективный эксцесс), который имеет внешние, видимые проявления (посягательство на новый или дополнительный объект, увеличение количества потерпевших, предметов преступления, иной способ совершения преступления, другая форма соучастия, возрастание ущерба и т.п.);

б) эксцесс соучастника в части мотива и (или) цели совершения преступления (субъективный эксцесс), который не отражается на объективных характеристиках совместно совершенного преступления. Например, исполнитель убийства, скрывший от пособника истинный мотив преступления – кровную месть, в объективном плане от сговора не отступает – убивает того же потерпевшего, тем же способом, пользуясь при этом содействием пособника. Эксцесс здесь проявляется лишь в субъективной плоскости, а именно в том, что умыслом пособника не охватывается мотив исполнителя, имеющий квалифицирующее значение (п. «е1» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

С точки зрения диссертанта, субъективный эксцесс исполнителя можно констатировать лишь в том случае, если не известные иным соучастникам мотив и (или) цель действий исполнителя имеют уголовно-правовое значе-

ние, т.е. признаны обязательным признаком основного или квалифицированного состава преступления, либо выступают в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Если же мотив или цель соучастника, выходящие за рамки единого умысла, не влияют на квалификацию, то такой выход не имеет уголовно-правового значения, а потому не может считаться эксцессом.

Позицию юридической доктрины и практики относительно уголовно-правовой оценки субъективного эксцесса исполнителя можно признать консолидированной и вполне однозначной: если мотив исполнителя, указанный в статье Особенной части УК РФ в качестве квалифицирующего обстоятельства, не охватывался умыслом других соучастников, то этот «эксцессный» мотив не должен вменяться соучастнику.

Субъективный эксцесс со стороны иных соучастников преступления оценивается не столь однозначно. Длительное время высшая судебная инстанция игнорировала субъективный эксцесс со стороны организатора, подстрекателя, пособника, полагая, что мотивы и цели указанных соучастников не имеют значения для квалификации преступления, если эти мотивы и цели у исполнителя преступления отсутствовали (см.: апелляционные определения Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2013 № 33-АПУ13-18сп, от 02.02.2017 № 30-АПУ17-1СП). Причем такой подход снискал немало сторонников в уголовно-правовой доктрине (С.А. Маркарян, Ю.Е. Пудовочкин, П.С. Яни). В основу этого подхода положены акцессорные представления об ответственности соучастников, в силу которых квалификация действий исполнителя оказывает определяющее влияние на уголовно-правовую оценку действий иных соучастников. В этой акцессорной парадигме на первый план выходят мотивы и цели, которыми руководствовался исполнитель, а личные мотивы и цели организатора, подстрекателя, пособника, не совпадающие с субъективной стороной деяния, осуществленного исполнителем, полностью утрачивают квалифицирующее значение.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 29.03.2017 № 27-П17 по делу Гамзатова кардинально пересмотрел этот подход, признав, что специальная цель организатора преступления, которая не охватывалась умыслом исполнителя, должна учитываться при квалификации организаторских действий. Впоследствии эта позиция реализована в других решениях высшей судебной инстанции (см. кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 № 53-УД23-5-А5). Тем самым высший судебный орган признал, что субъективный эксцесс организатора, подстрекателя, пособника имеет уголовно-правовое значение.

Новый подход Верховного Суда Российской Федерации к уголовно-правовой оценке эксцесса соучастника в части мотива или цели совершения преступления заслуживает полной поддержки, поскольку он: позволяет реализовать требования субъективного вменения при квалификации действий всех соучастников преступления, не ограничивая область его применения исключительно исполнением преступления; расширяет «сферу приложения» отраженного в ст. 36 УК РФ правила об эксцессе; представляется намного более выигрышным в правоприменительном плане, чем прежняя позиция, основанная на строгой акцессорности ответственности соучастников.

В параграфе 2.2. **«Количественный (однородный) и качественный (неоднородный) эксцесс соучастника преступления»** отмечается, что в российской уголовно-правовой доктрине XIX века уже проводилось различие между однородным и неоднородным (разнородным) эксцессом исполнителя.

По мнению соискателя, однородность / разнородность эксцессного деяния по отношению к преступлению, охватываемому умыслом соучастников, следует устанавливать не только по критерию основного объекта посягатель-

ства, но и на основании дополнительного объекта. Более того, однородным преступлением можно считать преступное деяние, посягающее на иной объект уголовно-правовой охраны, при условии, что эти преступления имеют сходную сущность. Объекты умышленного причинения вреда здоровью и убийства отличаются, но это не делает эти преступления разнородными. В основе этих преступлений умышленное насильственное воздействие на организм человека, что позволяет их считать однородными.

Проведенное исследование приводит к выводу о том, что однородный эксцесс может влиять не только на квалификацию действий соучастников, но и на объем обвинения, а также на индивидуализацию уголовной ответственности наказания (эксцесс в части обстоятельств, отягчающих наказание). Таким образом, количественный эксцесс исполнителя (равно как и иного соучастника) нельзя ограничивать лишь теми «отклонениями» от единого умысла соучастников, которые изменяют квалификацию содеянного.

Таким образом, с учетом влияния количественного эксцесса на ответственность соучастника предлагается различать:

а) *количественный эксцесс, оказывающий влияние на квалификацию эксцессного деяния.* Он выражается: в совершении того же преступления, что планировали соучастники, но при наличии квалифицирующих обстоятельств, которые не охватывались их умыслом; в совершении другого однородного преступления (например, грабежа вместо кражи);

б) *количественный эксцесс, не влияющий на квалификацию эксцессного деяния, но имеющий значение для объема обвинения и (или) для индивидуализации уголовной ответственности.* Он проявляется: в несогласованном с соучастниками увеличении количественных параметров предмета преступления (например, похищение трех единиц оружия вместо одной), числа потерпевших (захват 10 заложников при сговоре на захват 5 заложников), размера ущерба, при условии, что это не приводит к появлению нового квалифицирующего признака; в совершении преступления при наличии обстоятельств, которые отягчают наказание (ч. 1 ст. 63 УК РФ), но не признаются квалифицирующими признаками состава.

Рассматривая качественный (неоднородный) эксцесс соучастника, соискатель отмечает, что в доктрине, как правило, выделяют две его разновидности: а) совершение дополнительного неоднородного преступления, выходящего за пределы умысла соучастников; б) совершение другого разнородного преступления вместо преступного деяния, на которое был направлен умысел иных соучастников. Однако, с точки зрения диссертанта, во втором случае признаки эксцесса исполнителя преступления отсутствуют. Если лицо, которому отведена роль исполнителя, совершает другое преступление вместо запланированного совместно с другими лицами, то можно констатировать добровольный отказ от преступления, на совершение которого был достигнут сговор. При добровольном отказе от запланированного преступления соответствующий сговор, равно как и иные действия, создающие условия для его совершения, не выходят за рамки приготовления к преступлению, а на этой стадии соучастие не создается. Поэтому и выйти за рамки соучастия невозможно, ведь этих рамок попросту нет, что исключает эксцесс.

Об эксцессе исполнителя можно говорить лишь в случае, когда отказ от доведения преступления до конца был вынужденным и состоялся на этапе осуществления объективной стороны этого преступления, после чего исполнитель совершил дополнительное неоднородное преступление. Например, исполнитель, будучи застигнутым собственником на месте совершения квартирной кражи, прекратил хищение, но при этом применил насилие к собственнику имущества – причинил тяжкий вред его здоровью, чтобы избежать задержания. В таком случае возникает со-

участие в покушении на преступление, за которое несут ответственность все соучастники, включая исполнителя. А совершение другого, дополнительного неоднородного преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ, можно и нужно рассматривать как качественный эксцесс исполнителя.

Количественный и качественный эксцессы соучастника различаются между собой не только по критерию объекта эксцессного деяния (его однородности или неоднородности по отношению к объекту совместно совершаемого преступления), но также по характеру и интенсивности связи между эксцессным деянием и деянием, совершенным в соучастии. Отмеченное отличие напрямую отражается на квалификации преступлений. При количественном эксцессе организаторские, подстрекательские, пособнические действия сохраняют «стадийную» акцессорную зависимость от действий исполнителя: если исполнитель совершил юридически оконченное преступление, выходящее за рамки умысла иных соучастников, то они должны нести ответственность за соучастие в оконченном преступлении, которое изначально планировалось; если исполнитель не довел эксцессное деяние до конца по независящим от него обстоятельствам, то организатор, подстрекатель, пособник подлежат ответственности за соучастие в покушении на преступление, которое изначально планировалось. При квалификации качественного эксцесса такая зависимость не прослеживается.

В параграфе 2.3. **«Эксцесс, допущенный исполнителем, и эксцесс иных соучастников преступления»** отмечается, что в юридической доктрине уголовно-правовую норму об эксцессе исполнителя преступления (ст. 36 УК РФ) традиционно принято рассматривать в качестве законодательно признанного элемента концепции самостоятельной ответственности соучастников. Однако, с точки зрения диссертанта, ст. 36 УК РФ несет также отпечаток акцессорной теории, ведь в ней регламентируются правила квалификации эксцесса, допущенного только «главным» (с точки зрения акцессорности) соучастником, т.е. исполнителем преступления. Умолчав об эксцессе иных соучастников преступления, законодатель вольно или невольно придал ст. 36 УК РФ определенный акцессорный оттенок.

Соискатель констатирует, что эксцесс может быть допущен не только исполнителем, но и любым другим соучастником преступления, включая организатора. Причем нельзя исключать возможность эксцесса со стороны сразу нескольких соучастников преступления, выполняющих различные функции. Например, подстрекатель к убийству по найму скрыл от исполнителя корыстный мотив своих действий, а исполнитель без согласования с подстрекателем привлек соисполнителя, и совершил совместно с ним убийство группой лиц по предварительному сговору. В этом случае эксцесс подстрекателя в части корыстного мотива совершения преступления сочетается с эксцессом исполнителя в части группового способа совершения убийства.

В работе доказывается, что эксцесс организатора, подстрекателя и пособника проявляется не только в субъективной плоскости (в мотиве и цели их действий, которые не охватываются умыслом иных соучастников), как полагают некоторые специалисты, но и в сфере объективных признаков совместно совершаемого преступления.

При этом эксцесс организатора, подстрекателя, пособника может иметь как количественный (однородный), так и качественный (неоднородный) характер. Количественный эксцесс иных соучастников преступления чаще всего проявляется в субъективной плоскости (в части мотива или цели, отягчающих ответственность, о которых не было известно исполнителю). Объективный количественный эксцесс встречается намного реже, лишь в единичных случаях. Например, по просьбе исполнителя пособник предоставил ядо-

витое вещество для убийства, не сообщив ему, что это вещество действует медленно и вызывает сильнейшие боли. В результате потерпевшему были причинены длительные физические страдания, свидетельствующие об особой жестокости убийства, что не охватывалось умыслом исполнителя.

Качественный эксцесс иных соучастников преступления имеет только объективные проявления. Он выражается в совершении организатором, подстрекателем, пособником дополнительного преступления, посягающего на иной объект уголовно-правовой охраны. При этом в отличие от количественного эксцесса, качественный эксцесс иного соучастника может иметь не только умышленный, но и неосторожный характер. Например, пособник забрал соисполнителей на автомобиле с места совершения хищения, и скрываясь от преследователей, нарушил правила дорожного движения и совершил наезд на пешехода, причинив ему смерть по неосторожности.

В диссертации подчеркивается, что ответ на вопрос о квалификации эксцессного поведения организатора, подстрекателя, пособника напрямую зависит от того, на какой концептуальной платформе базируется институт соучастия в преступлении. С позиции акцессорной теории соучастия (в ее строгом понимании) все соучастники преступления должны нести ответственность наравне с исполнителем, вне зависимости от содержания и объема умысла соучастников. В таком случае эксцессное деяние исполнителя должно вменяться всем соучастникам, даже если оно не охватывалось их умыслом, а эксцесс, допущенный организатором, подстрекателем, пособником, не имеет уголовно-правового значения. С точки зрения теории самостоятельной ответственности соучастников вопрос о квалификации эксцессного поведения организатора, подстрекателя, пособника получает принципиально иное решение. Эта теория предполагает, что за эксцессное поведение соучастника, которое не охватывается умыслом иных соучастников преступления, к ответственности привлекается только соучастник, допустивший эксцесс. Причем это правило в равной мере распространяется на эксцесс не только исполнителя, но и любого другого соучастника преступления.

В современной уголовно-правовой доктрине преобладает второй подход, основанный на постулатах теории самостоятельной ответственности соучастников преступления. С 2017 г. им руководствуется и высшая судебная инстанция. Однако результаты опроса правоприменителей демонстрируют противоречивость их мнений относительно уголовно-правовой оценки эксцесса, допущенного иными соучастниками преступления. Поэтому правила уголовно-правовой оценки эксцесса организатора, подстрекателя, пособника, выработанные в доктрине уголовного права и подтвержденные в практике высшей судебной инстанции, с учетом их значимости следует регламентировать в уголовном законе, «поднять» их на уровень УК РФ. Пока это не сделано, квалификация эксцесса, допущенного указанными соучастниками, будет оставаться в зоне неопределенности, что несовместимо с конституционными требованиями к уголовному закону.

Глава 3 «Сложные вопросы уголовно-правовой оценки эксцесса соучастника преступления» состоит из двух параграфов.

В параграфе 3.1. **«Эксцесс в меньшую сторону: проблемы квалификации»** отмечается, что количественный эксцесс, с точки зрения доктрины, может выражаться не только в совершении более тяжкого преступления, но и в совершении деяния менее тяжкого. При этом единый подход к квалификации «эксцесса в меньшую сторону» в науке не выработан.

В доктрине предлагается квалифицировать действия организатора, подстрекателя, пособника, имевших умысел на совершение более тяжкого преступления: а) как приготовление к этому более тяжкому преступлению; б) как соучастие в покушении на более тяжкое преступление; в) как соуча-

ствие в оконченном более тяжком преступлении, которое было изначально запланировано соучастниками; г) как соучастие в том менее тяжком преступлении, которое фактически совершено исполнителем. Не прослеживается единство мнений по рассматриваемому вопросу и среди опрошенных экспертов из числа сотрудников правоприменительных органов.

Уголовно-правовая оценка обсуждаемых ситуаций зависит от ответа на ключевой вопрос – охватывается ли фактически совершенное исполнителем менее тяжкое преступление умыслом иных соучастников, которые договорились совершить более тяжкое преступление? Отвечая на этот вопрос, соискатель исходит из того, что единый умысел соучастников определяет рамки, в границах которых должен действовать (бездействовать) исполнитель (именно рамки, а не единственно возможную линию преступного поведения). Поэтому договоренность соучастников о применении конкретного способа совершения преступления нельзя воспринимать в качестве некоего предельно четкого «технического задания», отклонение от которого разрушает единство умысла. Эта договоренность задает ту верхнюю границу, за которую не должен выходить исполнитель. При этом нижняя граница единого умысла определяется целью совместных действий соучастников – допустим, похитить определенное имущество, убить конкретного потерпевшего, осуществить сбыт наркотиков. Выход исполнителя за эту границу, т.е. совершение им действий, идущих вразрез с совместной целью (например, уничтожение чужого имущества вместо его хищения, причинение потерпевшему побоев вместо его убийства), полностью разрушает соучастие.

Следовательно, если исполнитель реализует общую цель соучастников и не превышает при этом верхнюю границу согласованных с ними действий, то он не выходит за рамки единого умысла соучастников, даже если модифицирует заранее оговоренный способ совершения преступления. В субъективной плоскости совместность как признак соучастия в преступлении предполагает, что все соучастники относятся к совместно совершаемому преступному деянию как к «своему». Применение исполнителем менее опасного способа совершения преступления, при условии, что общая цель соучастников была достигнута, не делает преступное деяние исполнителя «чужим» для остальных соучастников. Иными словами, в этом случае менее опасное деяние, фактически совершенное исполнителем, остается в границах единого умысла, не выходит за его рамки, что исключает эксцесс исполнителя.

В частности, фактически совершенное исполнителем «простое» убийство полностью охватывается умыслом подстрекателя, даже несмотря на то, что он склонял исполнителя к убийству общеопасным способом. Исполнитель совершил именно то преступление, к которому его склонял подстрекатель – убил того же самого потерпевшего, которого планировалось убить. Применение исполнителем менее опасного способа убийства не выводит фактически совершенное преступление за рамки единого умысла соучастников. А значит, эксцесс исполнителя отсутствует, в связи с чем подстрекатель должен нести ответственность за подстрекательство к «простому» убийству.

«Эксцесс в меньшую сторону» возможен лишь в редких случаях – например, когда групповая кража благодаря эксцессу одного соисполнителя перерастает в единолично совершенное покушение на грабеж. Санкция ч. 1 ст. 161 УК РФ является более мягкой, чем санкция ч. 2 ст. 158 УК РФ. А значит, соисполнитель, допустивший эксцесс, совершает менее тяжкое преступление, чем соисполнитель, который не вышел за пределы предварительного сговора на кражу. Похожая ситуация может возникнуть при соучастии в хищении с распределением ролей. Подстрекатель склонил исполнителя к краже имущества с причинением значительного ущерба гражданину, а исполнитель похитил это имущество путем

грабежа, т.е. допустил эксцесс. С учетом направленности умысла действия подстрекателя нужно квалифицировать по ч. 4 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а эксцессные действия исполнителя – по менее тяжкой ч. 1 ст. 161 УК РФ.

В приведенных примерах «эксцесс в меньшую сторону» возникает вследствие несогласованности квалифицирующих признаков, а также санкций ст. 158 и 161 УК РФ. Если устранить эти законодательные просчеты, «эксцесс в меньшую сторону» станет невозможным.

В параграфе 3.2. **«Проблемы уголовно-правовой оценки эксцессного перерастания одного преступления в другое»** отмечается, что эксцесс исполнителя довольно часто становится результатом так называемого «перерастания» одного преступления в другое.

В большинстве случаев эксцессное перерастание одного преступления в другое имеет место при наличии признаков соисполнительства (простого соучастия). Типичная ситуация такова. Имея предварительный сговор на совместное совершение кражи, соисполнители приступают к выполнению объективной стороны тайного хищения. В это время на месте совершения преступления появляется владелец имущества (иное лицо, понимающее противоправный характер совершаемых действий). После этого один из исполнителей (группа соисполнителей), осознавая, что хищение стало открытым, продолжает действия, направленные на завладение чужим имуществом, в результате чего кража перерастает в грабеж, или применяет опасное для жизни или здоровья насилие в целях изъятия или удержания чужого имущества, вследствие чего кража перерастает в разбой. При этом хотя бы один из соучастников остается в рамках сговора на совершение кражи, т.е. прекращает свои противоправные действия после того, как они стали открытыми.

В этой ситуации эксцессные преступные действия соисполнителя хищения, не охватываемые умыслом других соучастников, следует квалифицировать как единолично совершенные. Это исключает вменение «групповых» квалифицирующих признаков при одиночном эксцессе исполнителя. Однако это научно обоснованное и многократно подтвержденное в решениях Верховного Суда Российской Федерации правило квалификации, судя по всему, нельзя считать полностью общепризнанным. Об этом свидетельствуют регулярно повторяющиеся квалификационные ошибки, которые вынуждены исправлять суды апелляционных и кассационных инстанций, а также результаты проведенного нами социологического исследования. Чтобы минимизировать такого рода квалификационные ошибки, необходимо зафиксировать вышеизложенное правило квалификации в постановлении Пленума от 27.12.2002 № 29.

Следует учитывать, что эксцессное перерастание кражи в грабеж или разбой может иметь согласованный групповой характер. Если сговор на открытое хищение чужого имущества достигнут двумя соисполнителями в процессе тайного хищения до того, как хищение обнаружено собственником имущества, им необходимо вменять грабеж, совершенный группой лиц по предварительному сговору, тогда как третий соисполнитель будет нести ответственность за покушение на групповую кражу.

Действия соисполнителя, оставшегося в рамках предварительной договоренности на совершение кражи, т.е. не присоединившегося к эксцессу, следует квалифицировать как покушение на кражу группой лиц по предварительному сговору. По мнению диссертанта, для критического отношения к этому правилу квалификации, выработанному в практике Верховного Суда Российской Федерации, нет достаточных оснований. Нельзя не учитывать, что объективная сторона тайного хищения осуществлялась двумя или более соисполнителями, по крайней мере, до определенного момента, после которого произошло эксцессное перерастание кражи в грабеж. Соисполнитель,

который не вышел за пределы сговора на кражу, до определенного времени – пока другой соисполнитель не совершил перерастающее деяние (грабеж или разбой) – выполнял объективную сторону кражи в составе группы. Поэтому вменение ему квалифицирующего признака «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору» вполне оправданно.

В работе подчеркивается, что при перерастании кражи в грабеж или разбой в результате эксцесса одного из соисполнителей квалификация действий другого соисполнителя зависит от его последующего поведения. Если он не вышел за рамки предварительной договоренности на совершение кражи, прекратив посягательство после того, как хищение стало открытым, то его действия с учетом предписаний ст. 36 УК РФ квалифицируются как покушение на групповую кражу (ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Если же он воспользовался результатами эксцессного деяния, совершенного другим соисполнителем, т.е. присоединился к эксцессу, то предписания ст. 36 УК РФ не применяются. Присоединяясь к эксцессному деянию, соисполнитель конклюдентно соглашается с соисполнителем, допустившим эксцесс, что порождает соучастие уже в другом преступлении (грабеже или разбое). Получается, что в результате эксцесса соисполнителя и последующего присоединения к нему соучастие в краже перерастает в соучастие в грабеже (разбое).

Это правило применяется лишь при условии, что присоединение к эксцессу было осознанным. Если соисполнитель не осознавал факт перерастания одной формы хищения в другую, то вменять ему более опасную форму хищения нельзя, даже если он воспользовался результатами эксцесса.

Присоединение к эксцессу возможно лишь до момента фактического окончания преступления. Если соисполнитель, сбежавший с места совершения кражи после появления владельца имущества, примет затем участие в разделе имущества, открыто похищенного другим исполнителем, то он не подлежит уголовной ответственности за грабеж. Он воспользовался результатами эксцесса, допущенного вторым соисполнителем, уже после окончания грабежа, а потому не может считаться соучастником этого преступления. Его действия следует квалифицировать как покушение на кражу, совершенную группой лиц по предварительному сговору, и заранее не обещанное приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем (ч. 1 ст. 175 УК РФ).

В диссертации критически оцениваются разъяснения, содержащиеся в абз. 2 п. 14.1 постановления Пленума от 27.12.2002 № 29, согласно которым присоединение к эксцессу в обсуждаемых случаях образует группу лиц по предварительному сговору. Эти разъяснения противоречат положениям ч. 2 ст. 35 УК РФ и устоявшейся трактовке предварительного сговора. В этих случаях объективная сторона грабежа или разбоя начинает выполняться одним лицом, допустившим эксцессное перерастание. И лишь потом к его деяниям присоединяется второе лицо (соисполнитель в краже), что, безусловно, образует новое соучастие, но уже в новой форме – в форме группы лиц без предварительного сговора.

В сложном соучастии с распределением ролей присоединение иного соучастника к эксцессу исполнителя может сопровождаться изменением его изначальной функциональной роли (например, подстрекатель к менее тяжкому преступлению может стать пособником в более тяжком преступном деянии, пособник трансформироваться в соисполнителя), что подтверждается конкретными примерами из судебной практики. В этом случае квалификация действий соучастника осуществляется с учетом той криминальной функции, которая выполнялась им в более тяжком преступлении.

В заключении подведены итоги проведенного исследования, сформулированы его основные положения и выводы, в порядке *de lege ferenda* предложена новая редакция ст. 34 и 36 УК РФ.

**Основные положения диссертационного
исследования опубликованы в следующих работах:**

***Статьи в рецензируемых изданиях, указанных в перечне ВАК при
Минобрнауки России:***

1. Гюлбанкян, А.А. Преступление, которое не охватывается умыслом соучастников: проблемы интерпретации ст. 36 УК РФ [Текст] / А.А. Гюлбанкян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 12-2. – С. 56-60. – 0,5 п.л.

2. Гюлбанкян, А.А. Качественный (неоднородный) эксцесс исполнителя преступления [Текст] / А.А. Гюлбанкян // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2022. – № 2. – С. 16-20. – 0,5 п.л.

3. Гюлбанкян, А.А. Сложные вопросы квалификации эксцесса исполнителя преступления [Текст] / А.А. Гюлбанкян // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2023. – Т. 25, № 2. – С. 130-141. – 0,5 п.л.

4. Гюлбанкян, А.А. Теоретико-правовые основы законодательной регламентации и уголовно-правовой оценки эксцесса исполнителя [Текст] / А.А. Гюлбанкян // Российский следователь. – 2023. – № 8. – С. 19-23. – 0,5 п.л.

5. Гюлбанкян, А.А. Юридическая природа эксцесса исполнителя преступления [Текст] / А.А. Гюлбанкян // Общество и право. – 2023. – № 3. – С. 41-45. – 0,5 п.л.

Статьи в иных изданиях:

6. Гюлбанкян, А.А. Пределы умысла соучастников в контексте уголовно-правовой оценки эксцесса исполнителя [Текст] / А.А. Гюлбанкян // Цифровизация рыночных отношений: вопросы экономики и права : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20 июня 2022 года. – Москва: РГ-Пресс, 2022. – С. 75-82. – 0,4 п.л.

7. Гюлбанкян, А.А. Эксцесс соучастника при перерастании одного преступления в другое [Текст] / А.А. Гюлбанкян // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина: Материалы Международной научно-практической конференции; (г. Краснодар, 1-2 февраля 2024 г. / отв. ред. Коняхин В.П. и Прохорова М.Л. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. – С. 218-226. – 0,7 п.л.

Г ю л б а н к я н Арам Артурович

**ЭКСЦЕСС ИСПОЛНИТЕЛЯ И ДРУГИХ СОУЧАСТНИКОВ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Подписано в печать 24.04.2024. Формат 60X84 1/16
Печать цифровая. Объем 1,5 п.л. Тираж 150 экз. Заказ № _____

Тираж отпечатан с оригинал-макета заказчика
в типографии ООО «Просвещение-Юг»
350080, г. Краснодар, ул. Бородинская, 160/5